

© **О.В. ВИННИЧЕНКО, А.М. ВАГАНОВ**

ole.vinnichenko@yandex.ru, artjom-vaganov@rambler.ru

УДК 342.38(094.5)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА ПАРТИЙНЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ СОВЕТСКОГО ПРАВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме определения статуса партийных актов в системе источников советского права. Проводится анализ основных научных представлений, формируется авторская точка зрения на разрешение данного вопроса.

SUMMARY. The article is devoted to determining the status of party acts in the system of Soviet law sources. The basic scientific concepts are being analyzed and the author's point of view on resolving the issue is being shaped.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Советская правовая система, источники советского права, акты коммунистической партии, самобытность российской государственности.

KEY WORDS. Soviet legal system, sources of Soviet law, acts of the Communist Party, identity of the Russian state.

Как сегодня признают многие ученые, решения коммунистической партии были значимыми регуляторами. В особенности это касается советской бюрократии, здесь достаточно вспомнить номенклатурный принцип подбора кадров, специфику порядка привлечения к ответственности государственных служащих, являющихся членами партии и т.д.

Тем не менее, как справедливо отмечает Т.Ф. Ящук, данное явление до сих пор не имеет достаточного объяснения в отечественной юридической науке [1; 83-84]. Исследователи, занимающиеся изучением тех или иных вопросов, связанных с советским государством и правом, используют в основном классические положения теории права, в соответствии с которыми в основу правовой системы положен нормативный правовой акт — «официальный документ, созданный компетентными государственными органами и содержащий общеобязательные юридические нормы (правила поведения)» [2; 173]. В этом случае ученый неизбежно приходит к констатации проблемы, когда в обход формально закрепленных правил действовала система издаваемых партией директив, циркуляров, указаний [3].

Возникает необходимость определить статус партийных актов в регулятивной системе советского общества и дать ответ на вопрос, являлись ли они источниками советского права или нет? В настоящее время можно выделить аргументированные точки зрения по данной проблематике. Постараемся дать краткий анализ основных гипотез, а также выработать свою обоснованную позицию.

Нужно сказать, что правовые институты, функционировавшие в СССР, в том числе и источники права, получили максимально возможный, в пределах уста-

новленной цензуры, теоретический анализ в советской юридической науке. Здесь можно выделить таких ученых, как В.И. Васильев, Д.А. Керимов, А.И. Денисов, А.К. Мухтарова, С.Л. Зивс, И.М. Багашвили и т.д. [4]. В качестве основного источника советского права исследователи выделяли нормативные правовые акты. Что касается партийных решений, то авторы, по понятным причинам, не могли провести объективный, глубокий, основанный на методологическом плюрализме теоретический анализ их природы и места в советской правовой системе.

Тем не менее некоторые научные исследования в определении статуса партийных решений были проведены. Во-первых, большинством авторов партийные акты не воспринимались в качестве источников права. Так, И.М. Багашвили и А.И. Денисов разделяли их на внешние (политические) и внутренние (корпоративные нормы). Как те, так и другие, по мнению ученых, не носили общеобязательный характер [5]. Представители советской юридической науки, конечно же, обращали внимание на совместные постановления партии и правительства, но в основном интерпретировали их как правовые акты, исходящие от государственных органов, подкрепленные авторитетом партии [6]. Во-вторых, учеными признавалась доктринальная роль партийных решений в правовой системе советского общества [7; 108].

В современной юридической науке многие исследователи не склонны относить партийные акты к источникам советского права.

Так, по мнению Т.Е. Новицкой, партия вырабатывала теорию (доктрину), положения которой закладывались в основу правотворчества и воплощались в жизнь в форме правовых актов соответствующих компетентных органов государственной власти [8; 29-30]. Хотелось бы отметить вклад в развитие данной точки зрения выдающегося французского ученого, теоретика в области сравнительного правоведения Р. Давида, по мнению которого «такого рода документы, как партийные программы и решения, совершенно очевидно, не образуют право в собственном смысле этого слова. Однако их доктринальное значение неоспоримо ... советский юрист и любое другое лицо, желающее изучать советское право, должны постоянно обращаться к ним» [9; 190].

В свою очередь, М.Н. Марченко, опираясь на общепризнанные положения общей теории права, доказывает: «сами по себе решения общественных организаций, как и решения любых партийных органов, не содержат правовых норм и не имеют юридической силы, которую они могут получать лишь в двух случаях: во-первых, при издании совместного с государственными органами решения, во-вторых, в случае предварительной или последующей санкции государства» [10; 571].

Данную точку зрения в целом разделяет Т.Ф. Ящук. По ее мнению, партийные нормы «реализовывались не непосредственно, а проходили легализацию через постановления высших государственных органов» [11; 100]. Вместе с тем автор указывает на проблему определения статуса партийных актов в советской правовой системе, которые не получали дальнейшего развития в правовых нормах, но фактически имели прямое действие.

В связи с этим ученые все чаще поднимают вопрос о возможности, с некоторыми оговорками, признания партийных актов в качестве источников советского права. Но здесь исследователи расходятся во мнении относительно того, какие партийные документы можно включать в систему правового регулирования.

Так, по мнению Р.А. Насибуллина, правовые нормы содержались в постановлениях высших партийных органов (ЦК и Политбюро ЦК) [12; 60]. Данной точки зрения придерживается и В.М. Курицын. Ученый доказывает, что «в силу закрепления в конституционном порядке руководящего положения правящей партии — ВКП(б) — не только совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассматривались как источники права, но и постановления ЦК ВКП(б)» [13; 193].

Представляет интерес точка зрения А.С. Смыкалина, в соответствии с которой в систему источников советского права нужно включить программные документы партии [14; 11]. Данную позицию в целом разделяет Н.Е. Садохина. Как считает исследователь, доктрина, выработывавшаяся коммунистической партией, «представляла собой не только источник права в идеальном смысле, то есть научную теорию, оказывающую влияние на сознание законодателя, но и являлась источником в формально-юридическом смысле, воплощалась в законодательных актах, судебных решениях, имела собственную форму выражения в виде партийных документов» [15; 98].

Указанные точки зрения развивает И.В. Минникес в своей работе «Источники российского права: проблемы эволюции» [16].

В высказываниях некоторых авторов можно также усмотреть поиск возможностей включить в систему источников советского права акты, исходящие от партийных органов разных уровней. Так, по мнению Т.П. Коржихиной, наряду с нормативными правовыми актами компетентных органов государственной власти «нередко законами становились... партийные решения, от Политбюро до райкома партии» [17; 218].

В этой связи вызывает интерес достаточно оригинальная точка зрения Д.В. Жуковой-Василевской. Проводя теоретический анализ становления и развития источников российского права, исследователь приходит к выводу об ограниченности существующего понимания в отечественной юридической науке термина «источник права». По ее мнению, определение источников права как формы официального выражения санкционируемых только государством общеобязательных правил поведения, регулирующих общественные отношения, не может удовлетворить потребности дальнейшего развития государственно-правовой науки в контексте исследования самобытных черт российской государственности и правовой системы. Автор предлагает ввести в научный оборот термин «реальные источники права», которые, по ее мнению, развиваются эволюционно, под воздействием духовно-культурных, экономических и иных объективных факторов. Они в меньшей степени зависимы от проводимой государством ситуативной политики и могут не совпадать с официально признанными в ту или иную историческую эпоху источниками права. К таким «реальным источникам права» исследователь относит и партийные документы [18].

На наш взгляд, дальнейшей теоретической разработки достойны все научно обоснованные гипотезы. Только всестороннее развитие представлений о советской правовой системе, в том числе и об определении статуса партийных решений в ней, позволит в будущем выработать комплексное представление об этой проблематике и сформировать максимально приближенную к реальности модель.

Представляются верными теоретические взгляды, в соответствии с которыми партийные документы сами по себе не обладали юридическим значением, но содержащиеся в них нормы, получив санкционирование со стороны государства, как в случае принятия совместных постановлений ЦК партии и правительства, становились правом.

Еще представители советской юридической науки 1920-х гг. склонялись, на наш взгляд, именно к этой точке зрения. Как утверждал С.И. Раевич, партийные нормы исходят не от государства и не влекут юридической ответственности в случае их неисполнения [19; 92-102].

Данная мысль подтверждается и в докладной записке Учраспредотдела ЦК РКП(б) Секретариату ЦК РКП(б), датированной январем 1923 года. По мнению авторов докладной записки, «партийное законодательство по своему характеру не имеет ничего общего с законодательством государственным. Партактодательство — это не законы, непререкаемой обязательности, а директивы, указывающие, как надо строить работу, чтобы добиться наилучших результатов в достижении поставленной перед партией цели» [20; 20].

Вместе с тем авторы признают: «Известной жесткостью и обязательностью эти нормы обладают... когда места нарушают их, вводя под давлением жизни какие-то новые формы... то можно и должно требовать от мест, и иногда сурово требовать, соблюдения этих директив» [21; 20-21]. В докладной записке, правда, делается оговорка, что партийные директивы распространяются не на всех, а только на членов партии и обязательность их ограничивается добровольностью пребывания лиц в партийных рядах [22; 24]. Но нужно отметить, что в условиях монополии одной партии на власть, необходимости членства в партии для карьерного роста, любые директивы, циркуляры и указания приобретали силу закона.

В этой связи представляются вполне обоснованными научные изыскания исследователей, направленные на поиск возможности отнесения тех или иных партийных документов вырабатываемой партией доктрины в систему источников советского права либо выработку предложений по изменению методологии, понятийно-категориального аппарата в целях наиболее объективного изучения указанной проблематики.

Считаем возможным не отходить от существующих в теории права на данный момент представлений об источниках права, в систему которых не попадают документы партийных организаций. Другое дело, когда производится легитимация решений партии правовыми актами, но здесь опять же мы будем говорить об официально признанных источниках права.

В свою очередь, фактическое регулирование партийными нормами общественных отношений, подлежащих правовой регламентации, представляется необходимым объяснять, отправляясь от традиций российской государственности и правовой системы. Как доказывает ученый Н.Н. Арзамаскин, занимавшийся исследованием эволюции формы российского государства, «...момент преемственности вопреки революциям и реформам, «превозмогает» и подчиняет моменты нового исторического качества... Некие черты государственности пронизывают весь исторический путь государственных и правовых институтов. Последние трансформируются..., но в то же время сохраняются в какой-то части вопреки изменениям» [23; 21-22].

Самобытные черты российской государственности и ее правовой системы формировались столетиями под воздействием природно-климатических, геополитических факторов, факторов влияния византийских государственно-правовых традиций, православного христианства, татаро-монгольского ига, специфики проведения модернизационных процессов в России. К числу данных особенностей можно отнести традиционно сильную государственную власть, проведение всех значимых преобразований силой государства «сверху», глубокие общинные традиции, приоритет социального перед личным, большое влияние неправовых регуляторов (властных императивов, морально-религиозных норм, норм обычая, корпоративных норм) и правовой нигилизм [24].

На наш взгляд, образование правовой системы советского общества, в которой фактически большую силу имели партийные акты, являющиеся неправовыми регуляторами, стало результатом не простого стечения обстоятельств в рассматриваемый исторический период, а было моментом в общей российской правовой традиции приоритета власти над правом и распространенности правового нигилизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг.: Монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 83-84.
2. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2009. С. 173.
3. См. напр.: Фурсов В.А. Правовые и организационные основы государственной службы (1917-1941 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. Васильев В.И. Взаимоотношения высших и местных органов государственной власти и государственного управления в советском социалистическом государстве: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1954; Керимов Д.А. Законодательная деятельность советского государства. Основные принципы и организационные формы. М.: Госюриздат, 1955; Денисов А.И. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.И. Денисов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972; Мухтарова А.К. Правотворчество в социалистическом обществе. Содержание и оформление: Дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1978; Зивс С.Л. Источники права. М.: Наука, 1981; Багиашвилли И.М. Соотношение правовых и неправовых норм в процессе регулирования социалистических общественных отношений: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1981.
5. Багиашвилли И.М. Указ. соч. С. 41-49, 71-73; Денисов А.И. Указ. соч. С. 358.
6. Зивс С.Л. Указ. соч. С. 131-132; Лукьянова Е.А. Источники советского государственного права в период между двумя конституциями (1936-1977 гг.) // Советское государство и право. 1990. № 2. С. 125.
7. Мухтарова А.К. Указ. соч. С. 108.
8. Новицкая Т.Е. Источники российского права: вопросы теории и истории: учебник / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2009. С. 29-30.
9. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 2003. С. 190.
10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Юрист, 2001. С. 571.
11. Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг.: Монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 100.
12. Насибуллин Р.А. История советского государства и права (Часть первая) 1917-1940 гг. Екатеринбург., 1996. С. 60.
13. Курицын В.М. История государства и права России 1929-1940 гг. М.: Международные отношения, 1998. С. 193.

14. Смыкалин А.С. К вопросу о предмете науки истории отечественного государства и права // Теория, методология и методика изучения и преподавания историко-юридических наук. Вып.1. Екатеринбург, 2003. С. 11.
15. Садохина Н.Е. Развитие источников российского права в советский и постсоветский период: Дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 98.
16. Минникес И.В. Источники российского права: проблемы эволюции. М.-Иркутск. 2009.
17. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995. С. 218.
18. Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
19. Раевич С.И. О характере норм партийного законодательства // Советское право. 1923. № 3. С. 92-102.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 30. Л. 20.
21. Там же. Л. 20-21.
22. Там же. Л. 24.
23. Арзамаскин Н.Н. Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы российского государства: Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. С. 21-22.
24. См. напр.: Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. соч; Шабуров А.С. Теоретические проблемы российской государственности и правовой системы: Учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006; Винниченко О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития: Учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008; Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. М.: Мысль, 2005 и др.